

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.9>UDC 111
LBC 87.1Submitted: 06.11.2025
Accepted: 10.02.2026

TRAUMA AND BLURRING THE BOUNDARIES OF CORPOREALITY: TOWARDS A POSTHUMANISTIC THEORY OF PTSD

Alexander S. Bolotnikov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article represents a comprehensive philosophical analysis of the phenomenon of post-traumatic stress disorder (PTSD), carried out within the framework of critical posthumanism methodology. The research proposes a purposeful departure from the traditional humanistic paradigm, which interprets trauma as a purely internal catastrophe befalling an autonomous and holistic subject. The author substantiates a conceptual turn, considering PTSD as a key event that reveals the ontological interconnectedness, hybridity, and processuality of modern experience. The theoretical framework of the research is built on a synthesis of philosophical approaches: concepts of nomadic subjectivity and posthuman corporeality by Rosi Braidotti, phenomenological analysis of the “flesh” by Maurice Merleau-Ponty, as well as contemporary trauma theories by Cathy Caruth and A. Carter. The work consistently proves that traumatic experience leads to a radical disintegration not only of psychic structures but also of fundamental categories of human existence – corporeality, temporality, and identity – exposing their nonlinear and unstable character. Using the material of Kathryn Bigelow’s film “The Hurt Locker,” a detailed analysis is conducted of how PTSD manifests itself in the form of a permanent crisis of stability. The body and consciousness of the subject, embodied in the image of sapper William James, are analyzed as an unfinished process of becoming, existing in a mode of constant formation of hybrid assemblages with the technological environment. The special contribution of the article lies in the development of an original interpretation of nomadic subjectivity, which in the context of trauma is rethought not as an embodiment of freedom, but as a forced and rigid attachment to the traumatic experience of boundlessness. In conclusion, a finding is formulated that the posthumanistic approach allows for a reconceptualization of PTSD, transforming its status from an individual psychopathology into an existential-ontological mode of being, which generates a specific form of knowledge – “cripistemology,” rooted in the experience of norm violation and the experiencing of ontological instability.

Key words: nomadic subject, trauma, corporeality, posthumanism, PTSD, cripistemology.

Citation. Bolotnikov A.S. Trauma and Blurring the Boundaries of Corporeality: Towards a Posthumanistic Theory of PTSD. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 92-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.9>

УДК 111
ББК 87.1Дата поступления статьи: 06.11.2025
Дата принятия статьи: 10.02.2026

ТРАВМА И РАЗМЫТИЕ ГРАНИЦ ТЕЛЕСНОСТИ: К ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПТСР

Александр Сергеевич Болотников

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой развернутый философский анализ феномена посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР), осуществленный в рамках методологии критического постгуманизма. Исследование предлагает целенаправленный отход от традиционной гуманистической парадигмы, интерпретирующей травму как сугубо внутреннюю катастрофу, постигающую автономного и целостного субъекта. Автор обосновывает концептуальный поворот, рассматривающий ПТСР как ключевое событие, которое раскрывает изначально присущую современному опыту онтологическую взаимосвязанность, гибридность и процессуальность. Теоретический каркас исследования выстраивается на синтезе философских подходов: используются концепции номадической субъектности и постчеловеческой телесности Розы Брай-

дотти, феноменологический анализ «плоти» Мориса Мерло-Понти, а также современные теории травмы Кэти Карут и А. Картер. В работе последовательно доказывается, что травматический опыт приводит к радикальной дезинтеграции не только психических структур, но и фундаментальных категорий человеческого бытия – телесности, темпоральности и идентичности, обнажая их нелинейный и неустойчивый характер. На материале фильма Кэтрин Бигелоу «Повелитель бури» проводится детальный анализ того, как ПТСР проявляется в форме перманентного кризиса стабильности. Тело и сознание субъекта, воплощенного в образе сапера Уильяма Джеймса, анализируются как незавершенный процесс становления, существующий в режиме постоянного образования гибридных ассамбляжей с технологической средой. Особый вклад статьи заключается в разработке оригинальной интерпретации номадической субъективности, которая в контексте травмы переосмысливается не как воплощение свободы, а как вынужденная и жесткая привязанность к травмирующему опыту безграничья. В заключении формулируется вывод о том, что постгуманистический подход позволяет реконцептуализировать ПТСР, трансформируя его статус из индивидуальной психопатологии в экзистенциально-онтологический модус бытия, который порождает специфическую форму знания – «крипистемологию», укорененную в опыте нарушения нормы и переживания онтологической нестабильности.

Ключевые слова: номадический субъект, травма, телесность, постгуманизм, ПТСР, крипистемология.

Цитирование. Болотников В. С. Травма и размытие границ телесности: к постгуманистической теории ПТСР // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 92–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.9>

Исследование феномена травмы, в частности посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР), традиционно осмысливается в парадигме классического гуманизма. В этих рамках травматическое переживание понимается как катастрофа, нарушающая целостную и автономную человеческую психику, внутреннее равновесие самодостаточного субъекта. Однако радикальные трансформации современного мира, раскрывающие и подсвечивающие взаимосвязь человека и технологий, ставят под сомнение актуальность этой модели. Данная статья предлагает поворот от гуманистической трактовки травмы как внутренней катастрофы изолированного и автономного «Я» к ее постгуманистическому прочтению как события, раскрывающего саму онтологию взаимосвязанности, в которой конституируется современный (пост)человеческий опыт.

В данном контексте постгуманизм интерпретируется не как идеология, прогнозирующая замещение человеческого начала машинным (что с некоторыми оговорками присуще трансгуманизму), но как теория, направленная на деконструкцию антропоцентрических оснований классического гуманизма. Таким образом понятый постгуманизм рассматривает человека как один из множества взаимосвязанных видов, отвергая его привилегированный статус. Можно говорить здесь об онтологии, характеризующейся принципиальной размытостью традиционных категориальных границ. Речь идет не просто о стирании

этих границ, но о формировании особого онтологического режима взаимной обусловленности, где человеческое и не-человеческое; органическое и технологическое утрачивают автономный статус, существуя в сложных гибридных образованиях.

Это онтологическое положение о взаимопроницаемости границ между человеческим и не-человеческим становится ключевым условием для понимания современных форм субъективности, социальности и материальности. С точки зрения предлагаемой постгуманистической оптики традиционное противопоставление техники и человека утрачивает свою объяснительную силу. Их взаимопроникновение раскрывается не как внешний процесс, а как фундаментальное условие конституирования самой субъективности. Как отмечает Роза Брайдотти: «Постчеловеческое состояние вынуждает смещать разделительные линии между структурными различиями или онтологическими категориями, например между органическим и неорганическим, рожденным и произведенным, плотью и металлом, электроцепями и органическими нервными системами» [Брайдотти 2021, 173].

Постчеловеческая субъективность при этом рассматривается материалистически как некоторый узелок или точка в потоке разумной и самоорганизующейся материи [Брайдотти 2021, 108–109]. (Пост)человеческая телесность становится местом дискурсивных и материальных конфликтов, где пересекаются биологические, социальные и техно-

логические факторы. Дискурсивные конфликты представляют собой борьбу за определение «нормального» тела в рамках социальных, медицинских или политических дискурсов. Например, медицинские институты могут классифицировать определенные телесные состояния (такие как инвалидность) как «патологии», игнорируя их социальную и культурную обусловленность. Общественные изменения в восприятии тел инвалидов и их способностей демонстрируют конфликт между традиционными нормами и новыми представлениями о «нетипичной телесности». Традиционные дискурсы подчеркивают, что инвалидность часто конструируется как «аномалия», что связано с борьбой за преодоление границ «нормального» тела.

Эта дискурсивная неоднозначность в вопросе телесной «нормы и аномалии», появляющаяся при постгуманистической интерпретации человеческой субъектности, может быть соотнесена с симптомами ПТСР, когда человек теряет контроль над своим телом и сознанием, а привычная связь между «я» и телом нарушается. Онтологическая взаимопроницаемость становится ключевым условием для подобного понимания травмы. Телесность перестает быть некоторой очевидной данностью и становится «телесным событием», местом дискурсивных и материальных конфликтов. Или она обнаруживается нами в качестве таковой. Травматический опыт встраивается в саму текстуру тела, размывая границы между внутренним и внешним. Это приводит к тому, что А. Картер называет «trauma's "stability trouble"» – кризисом стабильности, который ставит под сомнение саму идею непрерывного и предсказуемого тела и ума [Carter 2021, 6].

ПТСР часто проявляется как онтологическая нестабильность, где тело «не может совпадать напрямую с миром»: при флешбэках или гипербдительности оно «расходится» с текущим моментом, сохраняя воплощенную память о травме. Этот инвалидизирующий феноменологический модус порождает особый тип знания – «крипистемологию» (cripistemology), знание, полученное через опыт нарушения нормы, через телесную и ментальную инаковость [Carter 2021, 10–11].

Постгуманизм бросает вызов традиционным границам между человеком и не-челове-

ком, что особенно важно для понимания травматического опыта, когда эти границы действительно начинают ощущаться размытыми. Понятие «расширенной телесности» раскрывает ключевое противоречие – технология расширяет тело, но одновременно травмирует его. Техника (в том числе военная) перестраивает структуру телесного опыта. Это, в свою очередь, напрямую связано с ПТСР, травма в какой-то степени расширяет сознание, но в другом, не совсем «нормальном» смысле, создавая параллельную реальность воспоминаний.

Мерло-Понти подчеркивает, что опыт тела приводит нас к признанию навязывания смысла, который исходит не из универсального конституирующего сознания, а формируется через конкретное воплощение [Мерло-Понти 1999, 137–140]. Для него тело – это значимое ядро, которое ведет себя как общая функция и тем не менее существует и подвержено изменениям. Однако его концепция «плоти» (chair) как онтологического элемента [Мерло-Понти 2006, 190–194] позволяет переосмыслить телесность как процессуальную и множественную реальность, где границы между биологическим и искусственным растворяются. Это деконструирует антропоцентрическую метафизику, где человек считался арбитром смысла именно как субъект нематериальной мысли, как декартовское *cogito*.

Телесность как «телесное событие» становится ключевой для понимания ПТСР. Травматический опыт (например, угроза жизни или экологическая катастрофа) превращает привычным образом оформленную, «нормальную» телесность в «плоть», где границы между внутренним и внешним размыты. Травма становится частью текстуры тела. ПТСР проявляется как обнаружение онтологической нестабильности, когда тело не может совпадать напрямую с миром (например, в случае флешбэков и гипербдительности, о которых мы говорили выше). Здесь можно говорить о диссоциации – нарушении восприятия себя и окружающего мира.

Например, у лиц с комплексным ПТСР (КПТСР) затруднена консолидация травматической информации в биографический нарратив, образ «Я» и образ мира. Этот опыт становится отдельным элементом сознания, который не включен в повседневную жизнь.

«Отщепленные» элементы носят, как правило, сенсорный либо перцептивный характер и не могут быть выведены на вербальный уровень [Падун 2021, 74]. Яркой иллюстрацией этой постгуманистической трактовки травмы является образ сапера Уильяма Джеймса из фильма «Повелитель бури» («The Hurt Locker» реж. Кэтрин Бигелоу). Его мастерство в разминировании – это не просто профессиональный навык, а реакция на травму, парадоксальная стратегия выживания. Его связь с защитным костюмом выходит за рамки инструментального использования: он буквально сливается с ним, образуя гибридный человеко-технический актер (ассамбляж) [Деланда 2018, 9].

Этот синтез, по словам Брайдотти, «демонстрирует реляционные способности субъекта, который больше не нуждается в представлении с помощью дуалистической рамки» [Брайдотти 2021, 177]. Возвращение Уильяма Джеймса в зону боевых действий после ротации – это демонстрация становления номадическим субъектом. Его субъективность (бес)сознательного отвергает фиксированную идентичность «мирного жителя», находя устойчивость не в статичном состоянии, а в ритме повторяющихся переходов. Такой (номадический) субъект не стремится к укорененности в определенном месте, статусе или идентичности, а вместо этого принимает свою изменчивую природу, состоящую из «переходов, последовательных сдвигов, смен координат» [Брайдотти 2001, 145].

Для Уильяма возвращение в военную сферу становится способом справиться с последствиями травмы и адаптироваться к новой реальности. Стоит оговориться здесь, что наш концепт «травмированного субъекта» далек от той идеализации номадического начала, которую мы встречаем у Делеза и Гваттари и которую от них унаследовала Брайдотти. Мы далеки от того, чтобы идеализировать ПТСР и представлять его как своеобразное «освобождение» от «навязанной нормальности». Травмированный герой «Повелителя бури» – это не свободно подключающийся ко всему внешнему и переключающийся между своими идентичностями шизоид. Наоборот, он жестко привязан к своему травмирующему опыту и вынужден возвращаться к нему снова и снова. В этом смысле номад для нас – это не радикальная свобода от навязанных границ, но жесткая привязанность к опы-

ту безграничья, опыту травмы. Номад не странствует, где хочет, но кружит вокруг места, в которое он не может вернуться.

Можно описать состояние Уильяма Джеймса так: он чувствует себя живым мертвецом среди живых. Брайдотти пишет: «Субъект – эволюционный двигатель, наделенный своей телесной темпоральностью, как в смысле часов генетического кода, так и биографического времени индивидуальных воспоминаний» [Брайдотти 2021, 271].

Эта идея о нелинейном времени пересекается с концепцией «крипистемологии», где травма разрушает нормативные представления о времени и теле. ПТСР часто имеет неоднородные проявления, сопутствующие расстройству личности [Brady 1997, 4]. Травма радикально трансформирует временной опыт. Травма описывается как ошеломляющее переживание внезапных и катастрофических событий, при котором реакция проявляется зачастую в запоздалых, неконтролируемых и навязчиво повторяющихся формах – таких как галлюцинации и другие интрузивные феномены [Caruth 2016, 11]. Понятие «интрузивный» обычно используется в отношении внезапных, нежелательных мыслей, которые вторгаются в сознание и являются признаком тревожных расстройств (ОКР, ПТСР). Интрузивность и нелинейность времени характеризуют онтологическую нестабильность и разрушение «герметичности». Эта «герметичность» размывается в плоскости времени, которое описано Квентином Мейясу как сила, способная привести фиксацию, статичность и смерть [Мейясу 2015, 92]. ПТСР часто проявляется в виде потенциальной угрозы, которая может вторгнуться в любой момент в это вечное Возможное / Вероятное – «Все может произойти, все может иметь место кроме необходимого» [Мейясу 2015, 93].

Для сапера каждый момент несет в себе потенциал катастрофы: будущее существует лишь как перманентная угроза, которая может вторгнуться в любой момент. Его сознание существует в этом разорванном хронотопе, где прошлое (травма) постоянно интрузирует в настоящее, а будущее лишено какой-либо предсказуемости. Здесь опять же нелишним будет отметить разницу между особым шизофреническим переживанием времени, которое описывает, например, Джеймисон [Джей-

мисон 2019, 338], и тревогой, характерной для лиц с ПТСР. Речь идет не об интенсивности размытости образов, в которой мы не можем отделить нечто существенное от несущественного, но наоборот – об интенсивности одного конкретного вполне оформленного образа – образа катастрофы. Он может быть вытеснен, но тем не менее он вполне определен и симптоматичен.

Таким образом, постгуманистический анализ позволяет переосмыслить ПТСР не как индивидуальную психопатологию, а как симптом фундаментального сдвига в понимании человеческой субъективности. Травма перестает быть просто повреждением автономной

психики, но становится обнаружением процессуальности и нестабильности человеческого бытия. Опыт ПТСР, особенно в условиях технологически опосредованного процесса (например войны, как в случае с героем фильма «Повелитель бури»), заставляет субъект существовать на границах: между органическим и технологическим, прошлым и настоящим. Этот опыт формирует особую – «крипстемологическую» – субъективность, которая, отвергая иллюзию целостности и автономии, находит новые и парадоксальные формы устойчивости в самом ритме постоянного становления и взаимопроникновения с миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брайдотти 2001 – *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 136–164.
- Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.
- Деланда 2018 – *Деланда М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Джеймисон 2019 – *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
- Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Мерло-Понти 2006 – *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006.
- Мейясу 2015 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
- Падун 2021 – *Падун М.А.* Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 3. С. 69–87.
- Brady 1997 – *Brady K. T.* Posttraumatic Stress Disorder and Comorbidity Recognizing the Many Faces of PTSD // *Journal of Clinical Psychiatry*. 1997. Vol. 58, № 9. P. 12–15.
- Caruth 2016 – *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: JHU Press, 2016.
- Carter 2021 – *Carter A. M.* When Silence Said Everything Reconceptualizing Trauma Through Critical Disability Studies // *Lateral*. 2021. Vol. 10, № 1. P. 20–36.

REFERENCES

- Braidotti R., 2001. The Nomadic Way. *Vvedeniye v gendernye issledovaniya. V 2 ch. Ch. 2: Khrestomatiya*. Kharkov, KhTsGI; Saint Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 136-164.
- Braidotti R., 2021. *The Posthuman*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara.
- Delanda M., 2018. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Perm, Gile Press.
- Jameson F., 2019. *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara.
- Merleau-Ponty M., 1999. *Phenomenology of Perception*. Saint Petersburg, Yuventa Publ., Nauka Publ.
- Merleau-Ponty M., 2006. *The Visible and the Invisible*. Minsk, Logvinov Publ.
- Meiyasu K., 2015. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg; Moscow, Kabinetny ucheny Publ.
- Padun M. A., 2021. Complex PTSD: Features of Psychotherapy for the Consequences of Prolonged Traumatization. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 29, no. 3, pp. 69-87.
- Brady K. T., 1997. Posttraumatic Stress Disorder and Comorbidity: Recognizing the Many Faces of PTSD. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 58, no. 9, pp. 12-15.
- Caruth C., 2016. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore, JHU Press.
- Carter A. M., 2021. When Silence Said Everything: Reconceptualizing Trauma Through Critical Disability Studies. *Lateral*, vol. 10, no. 1, pp. 20-36.

Information About the Author

Alexander S. Bolotnikov, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, byob95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5221-4556>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Болотников, аспирант, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, byob95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5221-4556>